

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОИДЕНТИЧНОСТИ ТУВИНЦЕВ И ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОГО ОБЩЕСТВА

PROBLEMS OF ETHNOIDENTITY OF TUVINIANS AND FORMING A TOLERANT SOCIETY

УДК 371.044.4

DOI: 10.15372/PEMW20190422

В. В. Собольников

Новосибирский государственный педагогический
университет, Новосибирск, Российская
Федерация, e-mail: vsobolnikovis@gmail.com
ORCID:0000-0002-5880-7283

Sobolnikov, V. V.

Novosibirsk State Pedagogical University,
Novosibirsk, Russian Federation,
e-mail: vsobolnikovis@gmail.com
ORCID:0000-0002-5880-7283

Аннотация. В статье рассматриваются феномены этноидентичности и этнотолерантности как универсальные интегральные свойства сознания и поведения в их взаимосвязи. Научный интерес представляет проблема этноидентичности в контексте этногенеза тувинцев с учетом специфики их архаизации и архетипического миропонимания, особенностей менталитета и влияния на субъективную значимость искомого феномена. Результаты исследования углубляют представления об исследуемых явлениях, позволяя обобщить и систематизировать данные, определяя значимость работы. Проведенное нами в 1998–2001 гг. монографическое исследование в Туве на выборке 997 чел. выделило особенности формирования этноидентичности тувинцев. Было выявлено 24% (г. Кызыл) и 19,8 (Кызыльский кожуун) лиц с гиперэтническим самосознанием. Последующий мониторинг этноконфессиональной ситуации обнаружил рост этнонапряженности. По этой причине, в течение 2018–2019 гг. на выборке 370 респондентов титульного этноса проведено дополнительное исследование. Определение тенденции формирования этноидентичности титульного этноса за последние 15 лет стало его целью. Методологию составлял системный подход установления через структурные компоненты этноидентичности тувинцев. Использовались общенаучные, этнопсихологические и психоаналитические методы, методики «Типы этнической идентичности», «Этническая аффилиация» (Г. У. Солдатовой и С. В. Рыжовой) и памятка для волонтеров. Местом проведения стали два этноконтактных района (Кызыл и Кызыльский кожуун) проживания русских и тувинцев. Результаты эмпирического исследо-

Abstract. The article discusses the phenomena of ethno-identity and ethnotolerance as universal integral properties of consciousness and behavior in their relationship. Of scientific interest is the problem of ethno-identity in the context of the Tuvian ethnogenesis, taking into account the specifics of their archaization and archetypal understanding of the world, peculiarities of mentality and the influence on the subjective significance of the sought-for phenomenon. The results of the study deepen the understanding of the studied phenomena, allowing you to summarize and systematize the data, determining the significance of the work. Conducted by us in 1998–2001. monographic study in Tuva on a sample of 997 people. singled out the peculiarities of the formation of Tuva's ethnic identity. 24% (Kyzyl) and 19.8 (Kyzyl kozhuun) of persons with hyper-ethnic self-awareness were identified. Subsequent monitoring of the ethno-confessional situation revealed an increase in ethnic tension. For this reason, during 2018–2019. An additional study was conducted on a sample of 370 respondents of the titular ethnic group. Determining the tendency of forming the ethno-identity of the title ethnos over the past 15 years has become its goal. The methodology was a systematic approach to establishing through the structural components of Tuva's ethno-identity. General scientific, ethnopsychological and psychoanalytic methods, the methods of «Types of Ethnic Identity», «Ethnic Affiliation» (G. U. Soldatova and S. V. Ryzhova) and volunteers were used. The venue was two ethnocontact regions (Kyzyl and Kyzyl kozhuun) of Russian and Tuvian residence. The results of an empirical study showed that there was a decrease from 76% to 32% of individuals with ethnic identity in the

вания показали, что произошло снижение с 76% до 32% лиц с этноидентичностью в норме. Зафиксировано выделение двух групп реципиентов, самосознание которых протекает в форме этноцентризма (28%) и этноизоляционизма (24%), которые возможно определяют дискурс этнического поведения в будущем. Взаимосвязь этноидентичности с уровнем толерантности тувинцев обусловила потребность разработки стратегии формирования последнего. В этих целях предложены авторитарная и диалогическая стратегии. В дальнейшем планируется разработка этноконфессионального сознания тувинцев.

Ключевые слова: межэтнические отношения, титульный этнос, идентичность, толерантность, этническая напряженность, архаическое миропонимание, латентность процесса, стратегия толерантности.

Для цитаты: Собольников В. В. Проблемы этноидентичности тувинцев и формирования толерантного общества // Профессиональное образование в современном мире. 2019. №4. С. 3336–3345.

DOI: 10.15372/PEMW20190422

norm. Selection of two groups of recipients was recorded, whose self-awareness proceeds in the form of ethnocentrism (28%) and ethno-isolationism (24%), which may determine the discourse of ethnic behavior in the future. The interrelation of ethno-identity and tolerance level of Tuvans caused the need to develop a strategy for the formation of the latter. To this end, authoritarian and dialogical strategies have been proposed. In the future, it is planned to develop ethno-confessional consciousness of Tuvans.

Keywords: interethnic relations, title ethnos, identity, tolerance, ethnic tensions, archaic world outlook, process latency, strategy of tolerance.

For quotes: Sobolnikov V. V. Problems of Tuva's ethno-identity and formation of a tolerant society // Professional education in the modern world. 2019, vol. 9, no. 4, pp. 3336–3345.

DOI: 10.15372/PEMW20190422

Введение. Тува является одной из республик со сложными межэтнической и социально-психологической ситуацией. Последующая после распада СССР архаизация общества приобрела в сфере этноконфессиональных отношений специфику, особую глубину и масштабы. Проблемы, по мнению большинства исследователей, возникли с начала 1990-х годов, когда в республике наблюдались многочисленные факты открытых межэтнических столкновений. Тува (далее по тексту РТ) стала «единственным регионом Сибири, откуда после разрушения Советского Союза произошел массовый принудительный отток русского населения» [1, с. 79–86]. Это обусловлено, по мнению Ч.К. Ламажаа, «относительно малым сроком трансформационных процессов в данной центрально азиатской республике» [2, с. 124–129] и других не вполне понятных причин. По истечении ряда десятилетий межэтнические отношения в этом дотационном субъекте России не только не улучшились, но и приобрели латентный характер. Определилась иная модель отношений между этносами со своей спецификой, способной к формированию конфликтного потенциала. В контексте изложенного была вновь осознана потребность развития в РТ толерантных отношений. Изложенное актуализировало исследование проблемы трансформации этноидентичности тувинцев, и вопросов формирования толерантных отношений.

Постановка задачи. Наблюдаемый в 1990-е годы в РТ «взрыв этничности» был обусловлен деформационными процессами в российском обществе. Ориентация на «политику слияния всех наций и народностей в некую историческую общность—советский народ» без осознания и учета роста национального самосознания, аутогетеростереотипов, специфики процесса формирования этничности и культурных ценностей, а также конфессиональной ориентации поставила этносы в состояние жесткого и длительного конфликта. На наш взгляд, рост этнической напряженности может быть объяснен проявлением в результате системного кризиса у этносов определенных свойств, вытесненных коллективным бессознательным в виде деструктивных моделей поведения. В этих случаях, психологические механизмы подражания и заражения, как правило, обусловили формирование у этносов нового психического состояния. Произошло это в силу социально-экономических потрясений и нарушения баланса между рациональным и бессознательным. В результате, имел место процесс архаизации тувинского этноса с активизацией определенной совокупности архетипов способных в новых условиях обеспечить высокий уровень адаптации как индивиду, так и социуму в целом.

Обращение к исторической этнопсихологической тематике, несущей явно социально-психологический подтекст, дает необходимую информацию о тувинцах как этносе. Проведенное нами в период 1998–2002 гг. в РТ монографическое исследование [3] этноконфессиональных отношений определило особенности фор-

мирования тенденций этноидентичности тувинцев. Использование тестов «Типы этнической идентичности и «Этническая аффилиация» [4] на выборке 997 лиц тувинской национальности позволило выявить в их числе 24% в (г. Кызыл) и 19,8 (Кызыльский кожуун) с гиперэтническим самосознанием. При этом оказалось, что только 10–12,5% тестированных тувинцев негативно или равнодушно относятся к своей национальности. Вместе с тем продолжающийся выезд из РТ русского населения за прошедшие десятилетия убеждает в усилении межэтнической конфронтации и приобретения латентного характера. Дальнейший процесс их миграции из РТ свидетельствует об этом. Так, если русских в этом регионе проживало в 2000 г. 30%; 2010 г. – 16,3%; [5] то, в 2019 г., по неофициальным данным, до 10%. В средствах массовой информации охватывающих значительную аудиторию, проблема межэтнического взаимодействия в РТ получила в последние годы освещение в ряде публикаций. Так, в статьях И. Азара¹ и ряде других нашли отражение факты дискриминации русских. В июле 2016 года руководитель ФАДН России И. Баринов в своем докладе привел данные социологического исследования, с упоминанием, что в РТ на факты дискриминации по национальному признаку обратилось с жалобами около 25% граждан. В том же году Союз русскоязычных граждан «Россияне», созданный для защиты их прав в письме к Президенту РФ обратил его внимание на наличие в регионе многочисленных фактов дискриминации русских в РТ.

Исследование межэтнических отношений в современный период представляется чрезвычайно важным в плане предотвращения конфликтов на ранней стадии. Поэтому задачей нашего исследования стали систематизация данных с учетом проведенного ранее исследования о состоянии этноидентичности тувинцев, выявление зависимости ее трансформации от социально-экономических условий, проработка вероятностной стратегии поиска путей формирования толерантных отношений.

Методология и методы исследования. В качестве методологической основы исследования был использован системный подход и принципы детерминизма, развития и историзма, а также конкретная научная методология [6] изучения этносов, принятая в этнопсихологии – принцип деятельностного подхода и принцип анализа этноидентичности в отечественной и зарубежной психологии. В процессе проведения исследования были использованы общенаучные методы (анализ, синтез, абстрагирование, обобщение и т.д.). Также применены методы этнической (наблюдение, беседа, опрос, интервью и др.) и аналитической психологии.

Системный анализ концепций отечественных и зарубежных школ, взглядов исследователей – этнопсихологов в его целевой направленности на изучение этноидентичности и формирования толерантных отношений, а также собственные экспериментальные работы позволили сформулировать основные концептуальные положения данного исследования:

- этноидентичность этнофора (представителя этноса) развивается и проявляет себя в личностном и этнопсихологическом поле в зависимости от социального самочувствия и степени стрессированности являющихся отражением социально-экономических условий;
- этноидентичность как универсальное интегральное свойство сознания и поведения состоит в системе взаимовлияния через субъектно-личностные отношения с социально-экономическими условиями, определяющими степень стрессированности и социального благополучия титульного этноса;
- на основе проведенного исследования возможно конструирование вероятностной стратегии формирования толерантности как направления оптимизации межэтнических отношений в полиэтническом социуме РТ.

Результаты. Социально-экономические и политические преобразования в России оказали негативное влияние на РТ, что привело к резкому снижению уровня социального благополучия и высокой степени стрессированности социума. Это обусловило повышение этноконфликтного потенциала этносов, последующему «взрыву этничности» и межэтническим конфликтам в 1990 гг. между тувинцами и русскими [7]. Кризисные явления этого дотационного региона России «встроили» тувинский этнос в процесс архаизации. Более того, именно архаизация миропонимания тувинцев стала, по сути, определять характер социально-экономической депрессивности в РТ. З.В. Анайбан в этой связи справедливо связывает рассматриваемые процессы «с особенностями умонастроений и психологией тувинцев порожденных этноисторической памятью о многих десятилетиях борьбы за право на существование, с обожествлением всего, связанного с природой, с традиционной религиозностью» [8]. Выделение у тувинцев ряда психических особенностей, а также предрасположенность к нечетко нормированному рабочему дню, требующему при небольших физических затратах кропотливости, выносливости и терпимости раскрывает перспективы их адаптации в современном обществе. Процесс архаизации [9], протекал не только при значительном росте преступности, но и обращение тувинцев к родоплеменным традициям, возвращению к натуральному хозяйствованию и традициям номуа-дизма. Утрата ими единого символически-смыслового поля в социуме РТ как определенного итога своего

¹ Тувинская народная республика. Почему с родины Сергея Шойгу уезжают русские: Репортаж Ильи Азара «Meduza», 15.09.2016; Дацышен В. Потенциал конфликтности в зоне российско-монгольской границы в Туве // Международные процессы, 2005

развитии привело, в условиях неопределенности и отрицания новых реалий, к трансформации культурной самоорганизации. Такое «обращение» тувинцев к архаике во многом связано и с влиянием на них архетипов. При таком понимании совокупность архетипов образует архетипическое пространство, которое при пересечении с пространством культуры оформляется в виде подпространства, создавая исторический контекст ее существования.

Анализ тувинской государственной трансформации после освобождения от власти маньчжурской империи Цин, принятия протектората царской России в 1914 г., провозглашения самостоятельной государственности в 1921 г., а затем вхождение в 1944 г. Танну-Тувинской Народной Республики в состав СССР, в сущности, не изменили традиционного уклада тувинцев. Перемены наступили позже в середине XX в., когда состоялся массовый переход от кочевничества к социалистическому образу жизни. Так, к периоду реформ конца 1980–1990-х гг. население региона подошло, получив разной глубины социопсихологические травмы. Вместе с тем оно продолжало ориентироваться на старые советские ценности: коллективизм, иерархическая соподчиненность, патрональные отношения, более адекватных их архетипическому мировоззрению. Более значимый стресс ими был получен при изменении социально-экономического вектора в 1990-е гг., когда национальная элита осуществила передел государственной собственности, объявив свободу экономических отношений, не обеспечила механизмами регулирования. В этих условиях у титульного этноса, как менее защищенного, сработал архаический культурный код, который обеспечил их возврат к старым, проверенным веками традициям. В этом определенную роль сыграла традиционная религиозность тувинцев, связанная с ламаистским буддизмом и шаманизмом. В настоящее время под патронажем последних создается новый исторический, культурологический взгляд на прошлое, настоящее и будущее тувинского народа, преемственности событий в наше время.

Следует подчеркнуть, что РТ, являясь труднодоступным регионом, в течение длительного времени, до вхождения в Советский Союз, была в качестве объекта, включена в геополитическую борьбу между различными государствами. Здесь, на перекрестке эпох и древних торговых путей, исключительно важным было иметь ведущие позиции, а религиозная составляющая могла это обеспечить. Поэтому оказание мощного влияния со стороны Монголии, Китая и Тибета обусловило к концу XVIII в. утверждение в Туве ламаистского буддизма в качестве официальной государственной религии. Первым в Туве появился Эрзинский хурээ (1773), спустя год – Самагалтайский, в 1811 г. – Чаа-Хольский, в 1815 г. – Тоджинский. К 1929 г. на территории Тувы действовало 25 хурээ, в которых проживало и работало 4813 лам. Влияние на тувинское население синкретичной формы буддизма (тувинский буддизм) было значительным [10]. Поэтому особенности менталитета и психология тувинцев во многом определялась традиционной религией с обожествлением всего связанного с природой. Кроме того, многовековая борьба за государственность и репрессии в истории республики способствовали формированию коллективной этноисторической памяти тувинцев. После известной революции к 1937 г. в результате борьбы с религией осталось всего 5 хурээ с 67 ламами. К 1940 г. были ликвидированы все храмовые постройки, а большинство лам репрессировано. Следует заметить, что на то время республика являлась самостоятельным государством и в состав СССР добровольно вошла лишь в 1944 г. Борьба с религиозными предрассудками в РТ продолжилась, но важнейшей созидательной силой с фрагментами мистики оставался шаманизм. Большинство представителей тувинского этноса стали пользоваться услугами неофициальной сети шаманов. В результате, тувинцы не потеряли принадлежности к своей религии и сохранили этническое сознание и единство с тюркскими народами. Антирелигиозная пропаганда прошла мимо тувинцев и не затронуло их сознания. С 1990-х гг. началось возрождение буддизма, вновь были построены храмы: храмовый комплекс «Цеченлинг, Верхнечаданский хурээ и Устуу-хурээ. Одновременно, открыта деятельность ряда шаманских центров в Кызыле: Дунгур (Бубен), Тос Дээр (Девять небес), Адыг-ээрэн (Дух медведя) и другие. Проведенный в 2012 г. опрос тувинцев исследовательской службой «Среда» выявил, что 62% исповедуют буддизм, а 8% – традиционную религию предков, поклоняюсь богам и силам природы [11]. Следовательно, на мировоззрение тувинцев антирелигиозная пропаганда, более того, гонение на шаманов влияния не оказало. Однако репрессии нашли свое отражение в этноисторической памяти тувинцев и в условиях хаоса архетип Деструкт проявил себя в полной мере в событиях 1990-х гг.

Тройственность структуры мироздания, выраженная в тувинской мифологии, позволяет выделить три типа архетипов, имеющих ярко выраженную функциональную направленность. Каждая их функциональная группа соответствует четко очерченной области подпространства культуры. Так, часть архетипов (Великая Мать, Дух, Дитя) обеспечивают связь и закрепляют ядро тувинской культуры, объединяя смыслы и обеспечивая устойчивость этноса. Другая группа архетипов (Герой, Анима, Анимус) представляет силу, уравновешивающую центробежные и центростремительные культурные тенденции. Последняя группа архетипов (Вещь, Тень, Гость) обеспечивает открытость культурной системы новым влияниям, тенденциям, смыслам, но может и породить хаос культурных резонансов. Психоаналитический подход к анализу мировоззренческих корней тувинского этноса раскрывает вероятностную природу такого хаоса. Он складывается в случаях

нарушения смыслового взаимодействия между его архетипами и ментальностью. В результате, деятельность «архетипа Духа», который в обычных условиях играет роль наставника, при нарушении — обретает черты «безумного гения», чья деятельность становится асоциальной. При этом архетипическое Дитя входит в конфликт с собственной Тенью». В этих условиях в социуме начинают преобладать деструктивные проявления [12]. «Хаотические» архетипы (Деструкт, Дракон, Другой, Самость) способствуют появлению и существованию специфических процессов. Примером этого является концептуальное видение прошлого тувинского этноса Тэнгрианским религиозным обществом. Концептуальная презентация ими исторической спирали бесконечного развития жизни тувинцев (XXI в. н.э. — IV–X вв. до н.э.) в зеркале исторических парадигм, событий пассионарных циклов тюрко-монгольских кочевников [13] формирует у тувинцев образ «Великой Монголии».

Этногенез тувинского этноса протекал в сложных и полных драматизма условиях, обусловив тем самым определенную совокупность проблем, связанных с формированием этноидентичности. Следует заметить, что тувинцы на протяжении всей истории своего существования, испытывали на себе влияние многих государств. Однако стремление к самосохранению и независимости сохранилось, заложив тенденцию к их единению. Сложность современной социально-экономической и политической ситуации в России обуславливает трансформацию этноидентичности. Специфика отношений сложившаяся в последние десятилетия между тувинцами и русскими и привела к вытеснению последних из РТ, что вывела на первый план проблемы этноидентичности. Поэтому, определяя стратегию межэтнического взаимодействия в качестве важного фактора предопределяющего ее разработку и тесно связанной с ней является этноидентичность. В сущности, являясь тем символическим средством объединения с одним этносом и дистанцирования от других, этноидентичность выступает объективной закономерностью формирования этнотолерантных взглядов и убеждений, способствующих укреплению духовно-нравственных основ социума РТ.

Категория «этническая идентичность» раскрывает «эмоционально-когнитивный процесс объединения субъектом себя с другими представителями одной с ним этнической группы, а также его позитивное ценностное отношение к истории, культуре, национальным традициям и обычаям своего народа, его идеалам, чувствам и интересам, фольклору и языку и т.д.» [14, с. 298]. Приобретая статус аналитического инструмента, этноидентичность как компонент социализации личности обеспечивает формирование этносамосознания. Сложившаяся в результате этногенеза определенная система поведенческих и типичных личностных отличительных черт позволяет индивидууму определить другого как члена этноса [15]. К числу этноопределяющих признаков большинство исследователей относит способы восприятия и мышления, своеобразие коммуникации и поведения, а также ряд других атрибутивных проявлений. Наличие в структуре этноидентичности двух основных ее составляющих: когнитива (знание особенностей своей группы и осознание ее членом на основе этноидентифицирующих признаков: языка, обычаев, религии, исторической памяти, национального характера и т.д.) и аффектива (чувство принадлежности к группе, оценка ее качеств, отношение к членству в ней) [15, с. 301]. Очевидно, что биологическая эволюция оказывает влияние на этногенез и устанавливает через структуру границы диапазона вариаций, в пределах которого действует организм, обладающий таким генетическим кодом [16, с. 17] Это особенно наглядно проявляется на примере тувинцев. Так, согласно общему правилу, по мере того как инерционная энергия этноса постепенно угасает либо полностью растворяется в других этногруппах, он погибает, оставляя после себя памятники архитектуры и артефакты культуры, либо в процессе полной ассимиляции превращается в маргинальную группу [17]. Ничего подобного, видимо, с этносом тувинцев не произошло. Этногенез происходил на протяжении длительного исторического периода при участии тюркоязычных, монгольских и др. племен. Вместе с тем до начала XX в. в следствие военно-административного правления Цинской империи они пребывали в состоянии изоляции, исключавшей связи между родственными родоплеменными группами в Туве. Поэтому началом завершающего этапа становления тувинцев как единого этноса исследователи рассматривают лишь середину прошлого столетия.

Современное осмысление данного процесса подготавливает фактологическую основу для исследования в области этнопсихологии. В течение многих веков формировался, через архетип Матери, групповой миф этноса о своей Родине, который через историческую память и архетипы транслировался в следующих поколениях тувинцев. В контексте изложенного оформилась, в известной мере, специфическая тувинская общность с конкретной манифестацией. На основе коллективной и патриархальной связи, групповой солидарности и стиля жизненного поведения сложилась система внутренних отношений. Научный интерес к данным реалиям актуализируется, поскольку титульный этнос выполняет ряд важных функций, без которых не могут быть поняты многие константы этноидентичности, а, следовательно, и межэтнических отношений [18, с. 95–108]. Понимание их сути, защита этнических ценностей, когнитивная и этническая межгрупповая дифференциация, трансляция культурно-исторического опыта — представляет только некоторую часть проблем формирования этноса [19]. В контексте изложенного, этноидентичность приобретает по мере оказания влияние на характер этнических отношений исключительное значение в случаях возникновения этнической напряженности и конфликта. Более того, вне ситуации этнической

розни этноидентичность вызывает естественный интерес в плане перспектив адаптации этноса, межэтнических браков и т. д.

В целях определения этноидентичности тувинцев нами было проведено в течение 2018–2019 гг. исследование. Полученные данные позволили выделить основные тенденции формирования этноидентичности тувинского этноса за последних 20 лет. Эмпирическую выборку составили 370 респондентов в возрасте от 23 до 35 лет (молодость), из числа представителей титульного этноса. Для проведения исследования были отобраны два этноконтактного района (Кызыл и Кызыльский кожуун) проживания русских и тувинцев. Объем такой выборки при генеральной совокупности 148 962 человек обеспечивает репрезентативность с допущением (по В. И. Паниотто) 5% ошибки [20]. Тестирование и опрос осуществлялся 25 волонтерами, обладающими практическими навыками работы с тестами, а также независимым суждением, способных творчески решать неочевидные задачи. Более того, они являлись носителями русского и тувинского языков и обладали знаниями традиций, нравов и обычаев титульного этноса. 40% из их числа имели ученую степень или звание, либо проходили обучение в аспирантуре или магистратуре. Предварительная работа с волонтерами была связана с раскрытием технологии использования тестов «Типы этнической идентичности» и «Этническая аффилиация» [4], опросным листом по уточнению этноидентичности, определению способов, процедуры и алгоритма проведения личного опроса и анализа полученных данных. Свободное интервью волонтеров для нас носило вполне направленную деятельность – определить этноидентичность тувинцев, чтобы в последующем соотнести с ранее полученными нами материалами. В качестве методологической основы использовался подход М. Прайса [21]. Исследование основывалось на предположении, что межэтническая ситуация в РТ трансформировала этноидентичность ее титульного этноса. Поэтому целью исследования стало изучение динамики этноидентичности титульного этноса.

В результате интерпретации полученных материалов тестирования и опросов определилась динамика этноидентичности титульного этноса. В целом, была выделена достаточно большая часть респондентов, самоидентификация которых связана с осознанием своей этнической общности и ориентацией на неагрессивную самоизоляцию (этноцентризм) – 28%. При этом лиц с наличием ориентации на другой этнос (этноэлиминация) и отрицания своего этноса (этнонегативизм) выявлено не было. Только 3% респондентов при осознании своей общности показали безразличие и безучастное отношение к тувинскому и русскому этносу (этноиндифферентность). Другой общностью составляющей 25% респондентов стала группа лиц склонных к этноизоляции в ее агрессивной форме. Так, ими осознавалась общность с титульным этносом при ориентации на полное обособление, отделение, разрыва связи с другими этносами. Более того, 5% опрошенных (этнодоминирование) пребывали в позиции осознания своей общности. Однако, героизация прошлого своего этноса и другие факторы сформировали направленность доминирования и активного завоевания среды пребывания путем вытеснения другого этноса. По 3–4% респондентов приходится на тех, самоидентификация которых протекает в форме этнонационализма – дискриминации других этносов, либо этнофанатизма – нетерпимого отношения к окружающим их этносам. Очевидно, этноэгоизм, этноизоляционизм и этнофанатизм являясь ступенями гиперэтноидентичности [22], свидетельствуют о появлении дискриминационных форм межэтнических отношений. Оставшаяся часть (32%) респондентов при осознании своей общности с титульным этносом показывает свою этноидентичность в норме. Сравнительный анализ (табл.) позволяет сделать ряд существенных выводов. Так, произошло сокращение с 76% до 32% лиц с этноидентичностью в норме. Одновременно было зафиксировано выделение двух групп реципиентов, самосознание которых протекает в форме этноцентризма (28%) и этноизоляционизма (24%), которые могут определить этноидентичный дискурс поведения этноса в будущем.

Таблица. Сравнительный анализ этноидентичности титульного этноса РТ, проценты

Место опроса	г. Кызыл		Кызыльский кожуун	
	2000 г.	2019 г.	2000 г.	2019 г.
Этнонигилизм	13	–	10	–
Этноиндифферентность	37	3	34	3
Этноидентичность	76	32	74	32
Этноэгоизм	12	4	9	4
Этноизоляционизм	12	24	10	24
Этнофанатизм	24	7	20	7
Этноцентризм	–	28	–	28

Выделенные типы самоидентификации титульного этноса дают некоторое представление и раскрывают панораму этноидентичности тувинцев. Вместе с тем в отдельных случаях фиксировалась так

называемая множественная этноидентичность в виде отнесения себя к двум этническим культурам. Одновременно, некоторые реципиенты показывали наличие нескольких типов этнической идентичности: «норма» и «этническая индифферентность», что свидетельствует о размытости этноидентичности. В процессе опроса респондентов были обнаружены косвенные признаки влияния религиозных, национальных и традиционалистских настроений со стороны отдельных представителей этнократической элиты и религиозных адептов, занимающихся шаманскими практиками. При этом в основу формирования такого этнического дискурса кладется наличие значительной психологической дистанции, сложившейся между тувинцами и русскими [7]. Более того, такого рода аргументы используются представителями национальной элиты РТ, для достижения личных целей. Так, экс-министр правительства РТ И. Бадра в интервью М. Котляр из «Открытой России» рассказал, как один из бывших руководителей этого субъекта РФ не раз убеждал его, что «наша основная задача – выход из России». При этом давал пояснение: «Чтобы защититься от агрессивных действий России, мы должны быть хитрыми и коварными, как наши предки во времена оккупации Тувы китайцами. Мы введем в «русскоязычные» населенные пункты неуправляемых молодчиков. Россияне сразу побегут из Тывы. А я буду делать вид перед Москвой, что едва сдерживаю своих тувинцев. Там поверят и даже дадут больше дотаций». Существует достаточное число и других известных фактов, когда представители этнократии пытаются перекладывать вину на другой этнос. Это, как правило, вызывает устойчивое чувство нетерпимости (интолерантности) и побуждает к крайним формам протеста. Такой путь деструктивизации социума может привести к разрушению хрупкой полиэтнической системы РТ. Поэтому ее целостность возможна только в условиях сохранения оптимальных межэтнических отношений базирующихся на социально-экономическом развитии региона.

Потребность оптимизации этнических отношений предполагает осмысление разнообразных факторов, в их совокупности и взаимодействии, влияющих на характер общения. Изначально сформированная этнотолерантность упрощает коммуникативные связи с представителями другого этноса. Теоретический анализ работ по данной проблематике убеждает, что феномен «толерантность» представляет собой интегральное образование, означающее этнопсихосоциальную характеристику личности этнофора. Основной характеристикой ее направленности становится терпимое, бесконфликтное коммуникативное поведение, как особый тип взаимодействия индивида с представителями других этносов. В. Г. Крысько определяет этнотолерантность как «способность человека проявлять терпимость к малознакомому образу жизни представителей других этнических общностей, их поведению, национальным традициям, обычаям, чувствам, мнениям идеям, верованиям и т. д.» [14, с. 331]. Следовательно, этнотолерантность в коммуникативном процессе означает наличие у представителей различных этносов знаний о ценностях этнотолерантного общения, сформированность умений и навыков взаимодействия с окружающими, эмоционально-волевою готовность к диалогу и положительную коммуникативную установку. Признание легитимности культуры, традиций, ценностей, поведенческих и коммуникативных моделей других этносов, «направленность этнического сознания на уважение ценности и самоценности человека, его потребностей и прав, культура эмпатического отношения к миру и к своей этноидентичности составляет совокупность качеств, которые будут способствовать превращению коммуникативной толерантности в личную систему ценностей» [23, с. 160]. Эффективность формирования коммуникативной толерантности может быть обеспечена комплексом условий: создание толерантной образовательно-воспитательной среды в РТ; обогащение содержания этнопсихологии этносов с позиций формирования коммуникативной толерантности; использование информационных технологий, адекватных формируемому качеству личности, программно-методическое и иное обеспечение процесса; развивающееся взаимодействие субъектов на всех этапах процесса формирования коммуникативной толерантности.

В контексте изложенного может быть использовано два варианта стратегий формирования, основывающихся на авторитарной и диалогической модели коммуникации. При этом каждая из них представляет собой целостный акт [24] и может стать эффективным средством с учетом архаизированной структуры титульного этноса в РТ. Оба вида коммуникации в содержательном плане имеют различия исходя из двух типов установок. Так, установка «сверху вниз», реализует авторитарную стратегию коммуникации, когда доводится до различных групп этноса необходимая и должная информация. Другая установка «на равных» реализует диалогическую стратегию коммуникации, где происходит персонификация информации и учитываются индивидуальные особенности личности, групп населения. Ведение открытого изложения мнений, дискуссионный характер подачи информации повышает качество реализации этой стратегии. Здесь слушатель воспринимается как активный участник этого процесса, имеющий право отстаивать и формировать в процессе общения свое мнение. Вместе с тем перед коммуникатором возникает сложная задача формирования своего образа, с помощью которого можно было

избегать возникновения барьеров общения, что может быть достигнуто за счет продумывания имиджа и информации. Содержанием обеих стратегий может стать формирование позитивного образа иной культуры при сохранении позитивного восприятия собственной, поддержание баланса толерантности по отношению к своему и другому этносу, готовность к сходному образу мыслей и этнических чувств, а также построение системы оптимальных межэтнических отношений в различных этноконтактных ситуациях.

Выводы. Результаты проведенного исследования убеждают, что состояние этноидентичности тувинцев и степень выраженности их этнотолерантности обусловлены архетипическим мировоззрением, спецификой менталитета и социально-экономической неразвитостью региона. Новизна работы состоит в показателях этноидентичности титульного этноса составляющего в РТ (более 80%) большинство. Так, выявлено 25% респондентов склонных к этноизоляции в ее агрессивной форме и 28% к этноцентризму с ориентацией на неагрессивную самоизоляцию, которые в совокупности создают вероятностный этнический дискурс поведения тувинцев в перспективе. Одновременно, 3–4% респондентов, самоидентификация которых протекает в форме этнонационализма и этнофанатизма ориентированы на дискриминацию и нетерпимое отношение к окружающим их этносам. В указанных группах просматривается дисбаланс когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов и высокая оценка титульного этноса. При этом не выявлено лиц, с ориентацией на другой этнос (этноэлиминация) либо отрицание (этнонегативизм) своего. Оставшаяся часть (32%) респондентов, при осознании своей общности с титульным этносом, показывает свою этноидентичность в норме. Исходя из полученных результатов, можно прийти к выводу, что этноидентичность тувинцев имеет в определенной части сложный, противоречивый характер, сохраняя при этом напряженность этнических отношений.

Одновременный опрос респондентов групп этноцентризма (28%), этноизоляционизма (24%), этнонационализма (3%) и этнофанатизма (4%) показал, что тенденция трансформации их этноидентичности будет определяться доминированием когнитивного компонента, высокой этноаффилиативной мотивацией, этноцентризмом и межэтнической интолерантностью. Свои перспективы относительно будущих межэтнических отношений они связывают с позитивными установками на взаимодействие внутри своего этноса и усилением его значимости. В связи с продолжающимся выездом русских из РТ проблема снижения межэтнической напряженности и негативизма к русским снимется. Рост этнической напряженности и наличие разнородной интолерантности раскрывает специфику этнической структуры тувинского социума. Поэтому разработка и внедрение стратегии формирования толерантных отношений на авторитарной и диалоговой основе крайне необходима. В последующих исследованиях является актуальным определить идентичность этнического и религиозного сознания тувинцев, предпринять попытку оценки влияния конфессионального и этнократического фактора на титульный этнос РТ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Дацышен В.** Потенциал конфликтности в зоне российско-монгольской границы в Туве // *Международные процессы*. 2005. Т. 3, №5. С. 79–86.
2. **Ламажаа Ч. К.** Социальная архаизация постсоветской Тувы // *Знание. Понимание. Умение*. 2009. №2. С. 124–129.
3. **Собольников В. В.** Межэтноконфессиональные отношения в Сибирском суперрегионе: социально-психологический анализ: монография. Новосибирск: Соцтехсервис, 2003. 279 с.
4. **Солдатова Г. У.** Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
5. **Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года (2013):** в 11 т. Кызыл: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Тыва. 315 с.
6. **Turner J.** The Experimental Social Psychology of Intergroup Behaviour // *Intergroup Behaviour* / Eds J. Turner, H. Giles. Oxford, 1981. P. 66–101.
7. **Доржу З. Ю.** Межэтническое взаимодействие русских и тувинцев в советской и постсоветской Туве (на примере национально-смешанных семей) [Электронный ресурс] // *Новые исследования Тувы*. 2019. №1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/835> (дата обращения: 15.06.2019 г.).
8. **Анайбан З. В.** Этносоциальные основы межэтнической напряженности в Республике Тува в 90-е годы: автореф. дис. ... д-ра. истор. наук. М. 1999. 46 с.
9. **Ахиезер А. С.** Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. 2001. №2. С. 89–100.
10. **Хомушку О. М.** Религия в истории культуры тувинцев / Рос. Акад. наук. Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1998. 177 с.

11. Исследовательская Служба «Среда» [Электронный ресурс]. URL: sreda.org
12. **Вдовушкина Н.С.** Архетипические основания культуры рубежа XX–XXI вв.: автореф. дисс.... канд. культурологии: 24.00.0. Саратов, 2012. 30 с.
13. **Галаарид Б.** Тэнгрианство – премудрость, достояние кочевников // Тэнгэризм и монголы. Улан-Батор: ЦАЛИГ, 2011. С. 183.
14. **Этнопсихологический словарь** / под ред. В.Г. Крысько. М.: Московский психологический институт, 1999. 343 с.
15. **Дробужева Л.М., Аклаев А.Р., Коротева В.В., Солдатова Г.У.** Демократизация и образы национализма в Российской Федерации. М.: Мысль, 1996. 340 с.
16. **Hall G.S.** Adolescence: Its Psychology and its Relations to Physiology, Anthropology, Sociology, Sex, Crime, Religion, and Education (Vols. I&II). New York: D. Appleton&Co, 1904. 365 p.
17. **Гумилев Л.Н.** Этносы и антиэтносы (популярное изложение разработки автором концепции этногенеза) // Звезда. 1990. №2. С. 121–122.
18. **Собольников В.В.** Этническая идентичность: состояние, проблемы [Электронный ресурс] // Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. М., 2002. URL: http://www.tolerance.ru/biblio/dzyalosh-1/multi/2_sobolnikov.html.
19. **Мархинин В.В.** Теория этноса: к анализу оснований [Электронный ресурс] // Гуманитарные науки в Сибири. 1994. №1. URL: <https://elib.surgu.ru/fulltext/HISTORY/25083>.
20. **Паниотто В.И., Максименко В.С.** Количественные методы в социологических исследованиях. Киев: Наукова думка, 1982. 272 с.
21. **Прайс М.** Телевидение, телекоммуникации и переходный период: право, общество и национальная идентичность. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2000. 336 с.
22. **Eriksen T.H.** Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives. L.: Boulder, 1993. P. 136–139.
23. **Nicholson P.P.** Toleration as a moral ideal // Aspects of Toleration / ed. by J. Hordon & S. Mendus. London; New York: Methuen & Co. Ltd, 1985. P. 160–185.
24. **Хараш А.У.** Личность, сознание и общение: к обоснованию интерсубъективного подхода в исследовании коммуникативных воздействий // Психолого-педагогические проблемы общения / под ред. А.А. Бодалева. М.: НИИ ОПП АПН СССР, 1979. С. 216–227.

REFERENCES

1. **Datsyshen V.** Conflict potential in the zone of the Russian-Mongolian border in Tuva. *International processes*, 2005, vol. 3, no. 5, pp. 79–86. (In Russ)
2. **Lamazha Ch.K.** Social archaization of post-Soviet Tuva. *Knowledge. Understanding. Skill Of*, 2009, no. 2, pp. 124–129. (In Russ)
3. **Sobolnikov V.V.** *Interethnic and confessional relations in the Siberian Superregioe: a socio-psychological analysis: a monograph*. Novosibirsk, Socialtechservice Publ., 2003, 279 p. (In Russ)
4. **Soldatov G.U.** Psychology of ethnic tensions. Moscow, Meaning Publ., 1998, 389 p. (In Russ)
5. **Results of the All-Russian Population Census 2010 (2013):** in 11 tons. Kyzyl: Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Tyva. Vol. 4 National composition and language proficiency, citizenship of the population of the Republic of Tyva. 315 p. (In Russ)
6. **Turner J.** The Experimental Social Psychology of Intergroup Behaviour. *Intergroup Behaviour*. Eds J. Turner, H. Giles. Oxford, 1981, pp. 66–101.
7. **Dorzhu Z.Yu.** Interethnic interaction of Russians and Tuvans in the Soviet and post-Soviet Tuva (on the example of nationally mixed families). *New Studies of Tuva*, 2019, no. 1. Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/835> (accessed: 15.06.1019). (In Russ.)
8. **Anayban Z.V.** *Ethnosocial foundations of interethnic tension in the Republic of Tuva in the 90s*. Author's abstract. dis. dr. the story sciences. Moscow, 1999, 46 p. (In Russ)
9. **Akhiezer A.S.** Archaization in Russian society as a methodological problem. *Social Sciences and Modernity*, 2001, no. 2, pp. 89–100. (In Russ)
10. **Homushku O.M.** Religion in the history of Tuvanian culture. Ros. Acad. sciences. Institute of Ethnology and Anthropology. N.N. Miklouho-Maclay. Moscow, Science Publ., 1998, 177 p.
11. **Research Service.** «Wednesday». Available at: sreda.org. (In Russ)
12. **Vdovushkina N.S.** The archetypical foundations of culture at the turn of the 20th and 21st centuries. Author's abstract. Candidate of Cultural Studies 24.00.01. Saratov, 2012, 30 p. (In Russ)
13. **Galaarid B.** Tengranism – wisdom, wealth of nomads. *Tengerizm and Mongols*. Ulan Bator, TsALIG Publ., 2011, pp. 183. (In Russian)

14. **Ethnopsychological dictionary.** Ed. V. G. Krysko. Moscow, Moscow Institute of Psychology, 1999, 343 p. (In Russ)
15. **Drobizheva L. M., Aklaev A. R., Koroteeva V. V., Soldatova G. U.** Democratization and images of nationalism in the Russian Federation. Moscow, Thought Publ., 1996, 340 p. (In Russian)
16. **Hall G. S.** Adolescence: Its Psychology and its Relations to Physiology, Anthropology, Sociology, Sex, Crime, Religion, and Education. Vols. I&II. New York, D. Appleton&Co Publ., 1904, 365 p.
17. **Gumilev L. N.** Ethnic groups and anti-ethnic groups (a popular presentation of the development of the concept of ethnogenesis by the author). *Star*, 1990, no. 2, pp. 121–122. (In Russ)
18. **Sobolnikov V. V.** Ethnic Identity: State, Problems. *Russian Press in a Multicultural Society: Tolerance and Multiculturalism as Guidelines for Professional Behavior.* Moscow, 2002. Available at: http://www.tolerance.ru/biblio/dzyalosh-1/multi / 2_sobolnikov.html. (In Russ)
19. **Markhinin V. V.** Theory of Ethnos: To the Analysis of Foundations. *Humanities in Siberia.* 1994. No. 1. Available at: <https://elib.surgu.ru/fulltext/HISTORY/25083>. (In Russ)
20. **Paniotto V. I., Maksimenko V. S.** Quantitative methods in sociological research. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1982, 272 p.
21. **Price M.** Television, telecommunications and the transition period: law, society and national identity. Moscow, MSU. M. V. Lomonosov Publ., 2000, 336 p.
22. **Eriksen T. H.** Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives. Leningrad, Boulder Publ., 1993, pp. 136–139.
23. **Nicholson P. P.** Toleration as a moral. *Aspects of Toleration.* ed. by J. Hordon & S. Mendus. London, New York, Methuen & Co. Publ., 1985, pp. 160.
24. **Harash A. U.** Identity, consciousness and communication: to substantiate the intersubjective approach to the study of communicative influences. *Psychological and pedagogical problems of communication.* Ed. A. A. Bodalev. Moscow, SRI OPP APN USSR Publ., 1979, pp. 216–227. (In Russ)

Информация об авторах

Собольников Валерий Васильевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии и истории психологии, сотрудник научной лаборатории «Архетипическая и аддиктивная идентичность», НГПУ, (Новосибирск, Российская Федерация, 630 126, ул. Вилуйская, 28, тел.: +7 (905) 951 1047, e-mail: vsobolnikovis@gmail.com)

Принята редакцией: 29.07.19.

Information about the authors

Valery V. Sobolnikov – Doctor of Psychology, Full professor, Professor of the Department of general psychology and the history of psychology, employee of the scientific laboratory «Archetypal and Addictive Identity» at Novosibirsk State Pedagogical University (Russian Federation, 630 126, 28, Vilyuyskaya strit, Novosibirsk, e-mail: vsobolnikovis@gmail.com)

Received: July 29, 2019.